

«ПОСЛЕДНЯЯ СЪЕМКА СТРАНЫ»

Александр Солженицын и его книга «Россия в обвале»

Борис Любимов

...нужно было обязательно дать — последнюю съемку страны...

Александр Солженицын, 30/IX 1984 г.

Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей бесконечно жестокого века России — запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем.

Александр Солженицын. «Россия в обвале»

КНИГА Александра Солженицына «Россия в обвале» — едва ли не самая горькая и мучительно трудно читаемая. Казалось бы, в сравнении с судьбами Ивана Денисовича, Нержина, Костоглота, жертв «Красного колеса» и ГУЛАГа что наш «обвал», с ежедневными фестивалями, презентациями, конкурсами красоты, телевизионными «треп-шоу», роскошными магазинами, отсутствием очередей, свободой печати, свободой совести и прочими приметами 90-х годов, из которых иные, право же, вызывают благодарное чувство? Но вот поди ж ты, читать «Россию в обвале» больно.

Во-первых, когда в 62-м году ты читал «Ивана Денисовича», в подсознании было: «это было пятнадцать лет назад, и если об этом можно говорить вслух, значит, этого нет и никогда не будет». И если последующие произведения Солженицына читались по преимуществу в сам- и тамиздатах, то все равно временной разрыв успокаивал — то 15–20 лет («В круге первом» и «Раковый корпус» в конце 60-х), то 20–50 лет («Архипелаг ГУЛАГ» в середине 70-х), то семьдесят лет («Красное колесо» в середине 80-х).

«Россия в обвале» написана с пылу с жару, это мы в 90-х и даже в 98-м (есть ссылки на газетные сообщения текущего года, скажем, на «НГ» от 11.3.1998 г.). И это при том, что книга подписана в печать 13 мая 1998 г. Стало быть, до последних дней шла работа над книгой, в нее входили последние свежие газетные известия. Разве что Достоевский сопоставим с Солженицыным в этой крестной муке захваченности свежим газетным фактом.

Что принесло последние два месяца, что могло бы опровергнуть солженицынское восприятие «текущей минуты», по выражению Достоевского? Шахтеры. «Мой Дагестан». Финансовый кризис. Дело Статистиков. Гром над Газпромом. Смерч над Москвой. Фактами писателя не опроверг.

Да и не в фактах главная боль от чтения «России в обвале». Разрушена (и, кажется, уже до конца?) в ком только из нас не теплится надежда, что с падением власти большевиков кончатся наши беды. И то сказать, беды 18-го и 28-го, 38-го и 48-го, беды 58-го и 68-го и впрямь кончились. Царскую семью и священнослужителей не убивают, вместо коллективизации и национализации — приватизация, нэп не отменяют, в ГУЛАГ не гонят, Пастернака не исключают из Союза писателей, в Прагу войска не вводят. Но гнетущее чувство поражения России, и как раз именно того, что в ней тебе дорого, начавшееся с русско-японской войны и 1905 года (вспомним «Вехи» и дискуссию 1909 года, недаром Солженицын пишет о 90-летнем пути, не о восьмидесятилетнем), с убийства Столыпина, с августа 14-го или марта-апреля 17-го, — Россия потерпела самое большое и, в сущности, первое в своей истории поражение (в 1240 году была побеждена еще не Россия, а Киевская Русь). Наше дело правое — мы проиграли. Мне уже приходи-

лось писать, что лейтмотив художественного творчества Солженицына — человек перед лицом поражения. В публицистике, в историософии Солженицын пишет «Слово о погуби Русской Земли», русской нации и государства. И опять-таки даже не на уровне сознания читатель ощущает, что если будут найдены спасительные меры, включая и те, что предлагает Солженицын, результаты скажутся не раньше, чем через 10–15 лет. А это значит, что не «земли обетованной», но жизни, отвечающей масштабу и достоинству истории России, достигнут в расцвете сил разве что нынешние сорокалетние, а нашему брату, находящемуся «на склоне наших лет», по слову пятидесятилетнего Тютчева, нужно бороться за то, чтобы дотянуть до пенсии. Думаю, что взвешенность, озлобленность многих пожилых людей, захватывающая потихоньку и средний возраст, отчасти проистекает от все более укрепляющегося чувства, что «нынешнее поколение людей» при «развитом капитализме» жить не будет, кто бы ни победил в 99-м и 2000 году. И это даже при самом благоприятном развитии событий для страны да и для всего мира. (Что мировая дипломатия в конце 90-х ведет себя столь же слепо, с одной стороны, и цинично — с другой, сколь она вела себя после двух мировых войн, ХХI век еще даст возможность убедиться, но это тема особого разговора).

Вспомним первые страницы «Бесов». О чем говорили в Петербурге в начале «великих реформ»? «...о полезности раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об уничтожении армии и флота... Ясно было, что в этом сбросе новых людей много мошенников, но несомненно было, что много и честных, весьма даже привлекательных лиц, несмотря на некоторые все-таки удивительные оттенки. Честные были гораздо непонятнее бесчестных и грубых; но неизвестно было кто у кого в руках». Стало быть, старанием «сброда новых людей» мы живем в стране, 130 лет назад мечтавшей бесам, увы, превратившим в свиней честных людей. Зеленый доллар сломал и тех, кто носил красную книжку, и тех, кто бежал от нее. И то сказать, если на вас напало пять человек, вы можете вступить в драку или убежать. Но одному против 600 бороться — героизм или святость, а устоять — чудо.

И все же что не позволяет признать поражение России окончательным? Ее история, Солженицын и его книга «Россия в обвале».

Относительно истории России Ключевский заметил, что ее отличительной особенностью является способность подниматься после поражения. Правда, слова эти принадлежат историку, не знавшему горчайшего российского опыта ХХ века. Полагаю, что кошмар ленинско-сталинского режима не опровергает мысли Ключевского. Кого как, а меня поражает не обилие преступлений, а способность им сопротивляться. После четверти века репрессий выстоять и выиграть войну — что-нибудь да значит. Несмотря на беспримерные репрессии, сохранить веру, искусство, науку, культуру — то, что можно было сохранить. Легко находить слабые и даже позорные поступки священнослужителей — подвигом было само принятие сана. Легко обнаруживать слабости Ахматовой и Пастернака, Мандельштама и Булгакова, Зощенко и Платонова — «Реквием», «Доктор Живаго» или «Белая гвардия» написаны беспримерно в беспрецедентных условиях. О. Павел Флоренский, Лосев и Бахтин, искусство Художественного

театра и тысячи зрителей, 987 раз собиравшиеся в его зале на спектакле «Дни Турбиных», — учителя, врачи, служащие, офицеры, инженеры, жившие «во времена немыслимого быта», прожили немалую горькую и достойную жизнь, полагаю без ложной гордости, как ни одна страна в мире. Можно ли предполагать, что эта «карамазовская жажда жизни» в ХХI веке иссякнет или вырождается в смердяковское лакейство? Можно, конечно, но с тем же или чуть большим основанием рискнем предположить, что этой силы России хватит еще надолго. Сам Солженицын, в начале мая 98-го года выступая в Доме архитектора, сказал, что сегодняшнюю ситуацию в России он оценивает как «50 на 50». Поскольку я, как

описал Солженицын, то удивляться надо не тому, что у нас убивают, грабят, воруют, предаются, спиваются, гибнут от наркотиков, вымирают, а тому, что большая, на мой взгляд, подавляющая часть населения живет, работает, рождает, учится. Удивляюсь не тем солдатам, что дезертируют и убивают своих командиров, а тем, кто в таких условиях продолжает жить. Восхищаюсь врачом, за нищенскую зарплату буквально выхаживающим больного. Учителями, ночами читающими сочинения учеников, влюбляющих их в историю, литературу, язык; директором школы, создающим в школе такой образ жизни, что школьники не хотят с ним расставаться (пример такой школы приводит и Солженицын); рядовым священником, понимающим, что в наше время, как и в начале века, надо не отлучать от Церкви, а приводить к ней; актером, утром релетирующим, вечером играющим из любви к искусству; строителем, быстро, умело и честно строящим; издателем, выпускающим умные и талантливые книги, и читателем, их покупающим и читающим. Удивляюсь не тому, что наши спортсмены проигрывают чаще, чем раньше, а тому, что иные из них способны выигрывать в атмосфере всеобщего поражения. (Только вдумайтесь: французы поют свой гимн уже 200 лет, а у нас он за 80 лет сменился трижды — не сказывается ли и это на психологии спортсмена, не только «сумма прописью»).

Открыв первые номера за этот год столь разных журналов, как «Новый мир», «Знамя» и «Континент», читатель убеждается, что с гениями пока перебой, а одаренных прозаиков, поэтов и критиков ничуть не меньше, чем 10–15 лет назад, а значит, литература есть.

Присуждение Солженицынской премии Владимиру Топорову — крупнейшему филологу мира последних четырех десятилетий, на мой взгляд, — лишнее свидетельство того, что и гуманитарная мысль России не в прошлом и не в отъезде.

Особо хочу отметить одно место в книге Солженицына.

«И наконец: не все же новобогаты — с обезумевшим волчьим сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди — и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям. А другие — помогут завтра. У тех из них, кто сознает ответственность перед судьбой России, есть большие возможности повлиять на качество нашего образования, культуры — а даже и шире того».

Эй, не перебарщиваем ли мы в своих анекдотах о «новых русских»? Нет ли в них зависти владельца «Жигуля» к хозяину «Джипа» и не стоит ли завистнику подумать о том, что для пешехода они оба равны?

Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Особо хочу отметить одно место в книге Солженицына.

«И наконец: не все же новобогаты — с обезумевшим волчьим сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди — и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям. А другие — помогут завтра. У тех из них, кто сознает ответственность перед судьбой России, есть большие возможности повлиять на качество нашего образования, культуры — а даже и шире того».

Эй, не перебарщиваем ли мы в своих анекдотах о «новых русских»? Нет ли в них зависти владельца «Жигуля» к хозяину «Джипа» и не стоит ли завистнику подумать о том, что для пешехода они оба равны?

Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

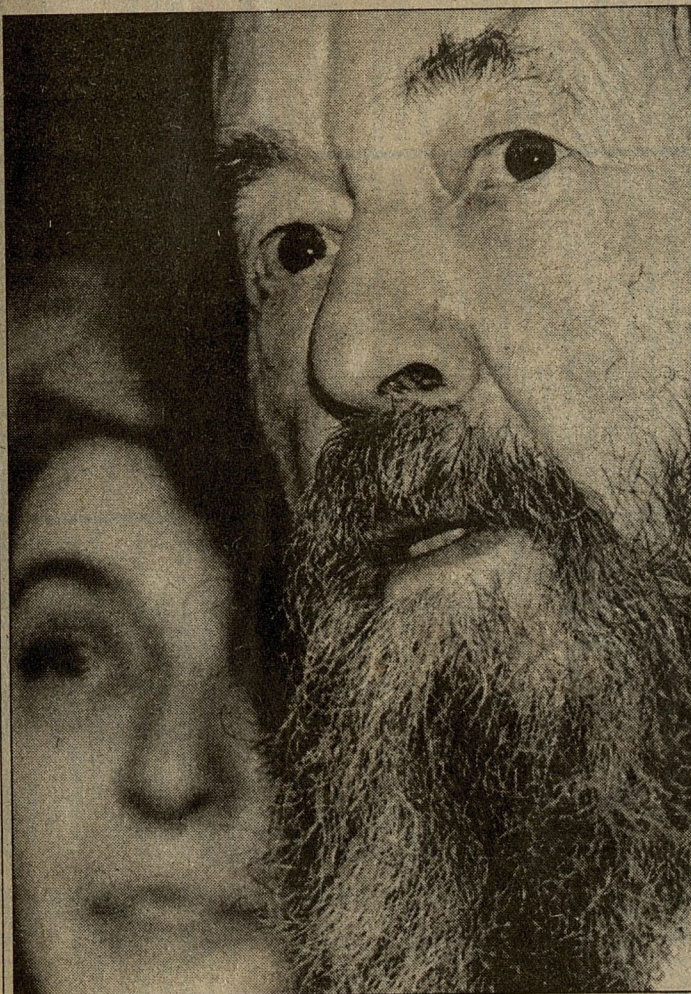
Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Этот слой населения, в 90-е годы в массе своей России навредивший, в ХХI веке может и должен ей ох как помочь. Исторически — происходит процесс перехода власти поколения парторгов поколению комсогов. Когда последний пионервожатый отдаст «власть ключей», выяснится, что в России еще не все потеряно. Сегодняшние старшеклассники и студенты кажутся мне умнее, талантливей и свободнее, чем мои сверстники в их возрасте. Пути, испробованные их ближайшими предками, — тупиковые. Те, которыми шли предки отдаленные, — затерялись. Остался один — «путь наверх», предложенный 20 лет назад в исторической Гарвардской речи Солженицыным. После поражения, из обвала — выход один.

Александр Солженицын. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Николка Турбин, «по натуре своей более склонен к оптимизму», интуитивно я бы дал моей стране более высокий процент выхода из-под обвала.

И первый «гарант» моего оптимизма — сам Александр Исаевич. На каждом этапе жизни, доступном внимательному и тактичному исследователю, он выходит победителем после поражения на фронте, в лагере, в ссылке, в раковом корпусе, в эмиграции, в борьбе с КПСС или нахрапистой «образованщиной», прежней или нынешней, он неизменно делает то, что он считает нужным, на пределе сил. А их всякий раз оказывается больше, чем можно было бы предполагать. Вот уже в одной из недавних крохоток он благодарит Господа за то, что «еще один полный день даровал мне Господь», а в текущем восьмидесятом его году и том публицистике выступил, и на вечере в Доме архитектора несколько часов не сходил со сцены, и в Калужской губернии побывал, и в «Новом мире» критические силуэты печатает, и, надо полагать, «Зернышко» скоро выступит, а на поманутом вечере и о существовании еще нескольких книг упомянул. Подобная энергия не снилась ни восьмидесятилетнему Толстому, ни восьмидесятилетнему Бунину. О. Сергей Булгаков, упомянутый Солженицыным в перечне «на-

битый. Принимая всю горькую правду российской жизни второй половины 90-х годов, описанную Солженицыным в книге, названной им «последней» «на все эти темы», я старательно отмечаю все примеры, из которых явствует, что мы еще «не добиты».

«Но личные встречи» — при объезде областей и малых городов — перевешивают отчаяние этих жалоб. И — письменные проекты настоячивых действий, их шлют среднестатистические и молодые интеллигенты.

Нет, еще — не добиты люди.

Еще — их глаза и помыслы.

Еще — есть энергия добрых действий, только поле ей — в малом радиусе вокруг человека, а дальше — стены, перегородки. И — не собрать каждому такому отдельному широкой общественной поддержки.

Однако мы — не первый век живем, но уже 11 веков, и не первая эта проверка народа на выстойку — в этот раз против временщиков криминальной власти и той смрадной неразберихи, в которую они увязили жизнь России.

Наперекор всему, как нам не дадут дышать, — тяга к общественной справедливости и тяга к нравственной жизни — нет, не заглохли.

И сила их — тоже убедительна. Если жизнь такова, какою ее